

Оригинальная статья/Original article

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.86-101>**От дезинтеграции постсоветского пространства к интеграционным проектам многополярного мира: ретроспективный анализ****А.Г. Большаков¹, А.Е. Фоминых²**✉¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия²Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия✉ alexeyfominykh@yahoo.com**Аннотация**

В настоящей статье предпринята попытка переосмысления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, происходивших в период с 1991 по 2024 г. Первая дата связана с распадом СССР и подписанием Беловежских соглашений, последняя – с проведением в Казани 22–24 октября 2024 г. саммита БРИКС, который подводил итоги российского председательства в объединении. Отмечается, что постсоветское пространство уже трансформировалось настолько, что сегодня интерпретируется в научном дискурсе как сегмент Большой Евразии или Северо-Восточная Евразия. Элиты постсоветских государств давно определились со своими политическими ориентациями, у многих это многовекторность (одним из «векторов» выступает партнерство с РФ). Рассмотрены преимущественно те интеграционные процессы, которые инициировала Россия. На основе проведенного ретроспективного анализа определены три стадии международно-политических и экономических процессов на постсоветском пространстве: дезинтеграция, диверсификация и новая структуризация. Проанализированы причины неудачи проектов политической интеграции постсоветских стран на основе евразийской идеологии и, наоборот, успеха «функциональной» интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Сделан вывод о том, что Российская Федерация сохраняет свое лидерство на пространстве Северо-Восточной Евразии, а также выступает связующим звеном между постсоветскими странами и формирующимся альтернативными центрами силы в виде БРИКС.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Евразия, интеграция, Евразийский экономический союз, СНГ, ШОС, БРИКС, многополярный мир

Для цитирования: Большаков А.Г., Фоминых А.Е. От дезинтеграции постсоветского пространства к интеграционным проектам многополярного мира: ретроспективный анализ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 5-6. С. 86–101. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.86-101>.

From the disintegration of the post-Soviet space to the integration projects of a multipolar world: A retrospective analysis

A.G. Bolshakov¹, A.E. Fominykh²✉

¹Kazan Federal University, Kazan, Russia

²Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

✉alexeyfominykh@yahoo.com

Abstract

This article reflects upon the integration processes within the post-Soviet space, spanning the period from 1991, when the Soviet Union collapsed and the Belovezh Accords were signed, through 2024, which coincided with the BRICS summit held in Kazan on October 22–24 and marked the conclusion of Russia's BRICS presidency. It is argued that the region has transformed to such an extent that contemporary scholars view it as part of Greater Eurasia or as Northeastern Eurasia, and the post-Soviet elites have long defined their political goals, with many adopting a multi-vector approach (where the partnership with Russia is one of such “vectors”). Particular attention is paid to the integration initiatives advocated by Russia. Using the results of a retrospective analysis, three stages of international political and economic processes in the post-Soviet space are identified: disintegration, diversification, and restructuring. The reasons behind the failure of the political integration projects in post-Soviet countries based on the Eurasian ideology and, conversely, the success of “functional” integration within the Eurasian Economic Union are discussed. It is concluded that the Russian Federation maintains its leadership in the space of North-Eastern Eurasia and also acts as a bridge between post-Soviet countries and emerging alternative centers of power represented by BRICS.

Keywords: post-Soviet space, Eurasia, integration, Eurasian Economic Union, CIS, SCO, BRICS, multipolar world

---

For citation: Bolshakov A.G., Fominykh A.E. From the disintegration of the post-Soviet space to the integration projects of a multipolar world: A retrospective analysis. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 5-6, pp. 86–101. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.86-101>. (In Russian)

Введение

Исследования постсоветского пространства в России постепенно приобретают в последние годы исторический характер, поскольку предмет их изучения стал уже феноменом прошлого. Очевидно, постсоветское пространство уже не существует как некое единое целое, оно регионально структурировано и ориентировано на разные центры силы в системе современного международного порядка.

В качестве методологической рамки исследования в настоящей статье используется ретроспективный анализ, который применяется при изучении современного состояния территории для оценки динамики ее развития; суть его заключается в получении сведений о территории за прошедшие периоды времени. Названный метод выбран нами неслучайно и позволил выявить все изменения в качественном и количественном аспектах за определенные временные срезы, заданные тематикой исследования. В нашем случае речь идет о трех периодах: во-первых, периоде дезинтеграции постсоветского пространства и одновременно его диверсификации после распада СССР; во-вторых, периоде трансформации постсовет-

ского пространства в Северо-Восточную Евразию в качестве сегмента Большой Евразии; в-третьих, периоде интеграции Большой Евразии и ее регионов в современный многополярный мир.

Распад Советского Союза и появление постсоветского пространства

Появление постсоветского пространства связано с распадом единого государства СССР – второй сверхдержавы двухполюсного поствоенного мирового порядка. Несмотря на результаты референдума марта 1991 г., где 76.43 % высказались за сохранение обновленного Советского Союза (при явке 79.5 %), ряд союзных республик отказался принимать в нем участие. Это были Латвия, Литва, Эстония, Молдова, Грузия и Армения; а Украина после провала ГКЧП в августе 1991 г. провела на своей территории повторный референдум, на котором большинство ее граждан высказались уже за независимость от СССР [1, с. 125–151].

Российская элита в указанный период раскололась на две части. Первая настаивала на сохранении преобразованного Союза, пусть и в «сокращенном» формате («модель ССГ» – несостоявшегося горбачевского проекта «Союза Суверенных Государств»). Вторая была настроена радикально и выступала за «модель СНГ», которая предполагала суверенное развитие бывших советских республик. Создание СНГ было провозглашено руководителями Беларуси, РСФСР и Украины путем подписания Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г. [2, с. 19–28]. Известно, что лидеры именно этих трех новых государств настаивали на окончательном распаде СССР и рассматривали СНГ исключительно как «инструмент для развода». Полностью противоположную позицию занимали Казахстан и республики Средней Азии, которые фактически пришлось «выталкивать» из Советского Союза, закрепив их новый статус в Алма-Атинской декларации 21 декабря 1991 г.

С 1 января 1992 г. СССР и юридически, и фактически прекратил свое существование, а СНГ постепенно увеличило свой состав до 11 государств (Россия, Украина, Беларусь, четыре республики Средней Азии, Казахстан, Армения, Азербайджан, Молдова), а в 1993 г. к СНГ присоединяется Грузия. Традиционно именно эти 12 постсоветских государств принято называть «постсоветским пространством», хотя членство в СНГ некоторых из них не носит постоянного характера (Моск., с. 8–9).

Собственно, сразу после распада СССР возник и термин «постсоветское пространство»: считается, что первым его употребил литовский политолог и ориенталист Альгимантас Празиускас в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной в «Независимой газете» в 1992 г. [3, с. 54; 4, с. 42]. В Российской Федерации идеологизированная трактовка «постсоветского пространства» практически не использовалась, а само это понятие стало частью научного дискурса истории и других гуманитарных наук на многие десятилетия (Пост.гос., с. 165–184). Однако уже к середине 90-х годов XX в. даже терминологическая отсылка к общему советскому прошлому многими политиками, а также историками и политологами воспринималась критически, особенно в государствах, придерживавшихся прозападной ориентации. Обозначенная полемика отражала протекавшие одновременно разнонаправленные процессы: с одной стороны, продолжавшуюся дезинтеграцию и фрагментацию бывшего СССР, с другой стороны – «разноскоростную и многоформатную интеграцию» (в видении МИД России), причем институционально все это было оформлено рамками Содружества Независимых Государств [5]. Так, Грузия входила в СНГ с 1993 по 2008 г., Туркмения изменила свой статус на «ассоциированное членство» в связи с ней-

тралитетом во внешней политике, Украина не ратифицировала в Верховной раде вступление в СНГ, не утвердила Устав Содружества, но, несмотря на ряд официальных заявлений после 2014 г., Киев до сих пор не представил документов о выходе из СНГ. Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония) формально-юридически в постсоветское пространство не входили: этому способствовали история получения независимости и их относительно быстрое присоединение к Европейскому союзу. Однако по своей политической культуре и ментальности данные страны являлись типичными постсоветскими политиями, имевшими реальный полувековой опыт существования в советском государстве, который сегодня трансформировался в серьезный демографический и этнократический кризис территорий, фактически находящихся под внешним управлением США и европейской бюрократии.

Постсоветское пространство прошло в своем развитии несколько основных стадий: первая может быть названа стадией дифференциации; вторая – стадией диверсификации; третья – стадией новой структуризации.

Стадия дифференциации – это распад СССР на 15 новых суверенных и целый ряд непризнанных государств, увеличение конфликтности. Процесс интеграции постсоветских государств понимался на данном этапе как объединение вокруг России, основой которого должно было стать активное сотрудничество Российской Федерации, Украины, Беларуси и Казахстана. Идеи интеграции большинства бывших республик СССР в единое целое на основе российских стандартов, общей системы безопасности и единого экономического пространства, русского как второго государственного языка и двойного гражданства до сих пор находят своих приверженцев. В реальности интеграционные проекты обсуждались на экспертно-аналитическом уровне, могли войти в текст официальных документов, но до принятия политико-управленческих решений и их исполнения дело, как правило, не доходило. Для русского (и российского) политического языка в этот период стал характерен термин «ближнее зарубежье». По словам Д.В. Тренина, он обозначал не временный характер независимости новых государств, как полагали на Западе, а «отражал переход от отношения к бывшим республикам как к окраинам единой страны к отношению к ним как к подлинно суверенным государствам» [6, с. 11].

Стадия диверсификации постсоветского пространства пришла на смену его дифференциации и «бумажной интеграции» (то есть процессу создания институтов и подписания соглашений, в реальности не наполнявшихся практическим содержанием). Последствиями диверсификации стало образование локальных межправительственных организаций (Договора о коллективной безопасности – ДКБ/ОДКБ, ГУАМ/ГУУАМ). В этот период для всех постсоветских государств во внешней политике характерна многовекторность, но были и те, кто сразу же обозначил вектор своего развития как исключительно прозападный – это, например, государства Балтии, которые вступили в Европейский союз в 2004 г. Постепенно западного вектора развития стали придерживаться Грузия и Украина, где в начале нулевых состоялись цветные революции. Российские элиты сами фактически следовали преимущественно прозападной ориентации по крайней мере до 2007 г., но даже в период с 2014 по 2025 г. часть российской экономической элиты все еще не определилась со своим выбором.

На *стадии новой структуризации* на постсоветском пространстве возникают многочисленные региональные объединения (ЕврАзЭС, Таможенный Союз, ЕЭП, «Восточное партнерство», Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП), дипломатическая платформа C5+1 и др.), часть которых со временем выходит на уровень интеграционных образований. Завершение процесса процесса новой структуризации означало замену диверсифи-

цированного постсоветского пространства его устойчивой региональной структуризацией. В последние годы само постсоветское пространство постепенно перестает существовать как целостный феномен, а понятие «постсоветское пространство» растворяется в концепте «Большой Евразии» и приобретает прежде всего историческое наполнение.

Таким образом, большую часть рассматриваемого исторического периода на постсоветском пространстве превалировал дезинтеграционный вектор. СНГ довольно долго воспринималось многими экспертами и аналитиками как переходный этап («цивилизованный развод») на пути к полному суверенитету постсоветских государств. Однако при всей аморфности Содружества оно смогло стать основой для новых интеграционных проектов на постсоветском пространстве (ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный Союз и др.).

Процесс диверсификации постсоветского пространства (фактический распад) выражался в образовании сопредельных с Россией регионов (Южный Кавказ, Центральная Азия, ареал «Восточного партнерства» ЕС), где за влияние борются практически все основные геополитические акторы современного мира или региона. К ним обычно относят США, Евросоюз, Китай, Индию и др., ряд региональных государств (Иран, Саудовскую Аравию, Турцию и пр.), а также глобальные международные (ВТО, МВФ) и региональные организации (НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС, ГУАМ, ЕАЭС и др.). Во втором десятилетии XXI в. большое влияние приобретает такое государственное объединение, как БРИКС [7, с. 224–225]. К этому периоду складывается и тренд на новую структуризацию макрорегиона.

Российская Федерация: переосмысление статуса и составляющие лидерства

Россия – самая крупная республика в составе СССР – в начале 90-х годов XX в. пережила глубокий кризис. По словам Г.А. Рапоты, «все государства, бывшие республики Советского Союза, после его распада оказались в состоянии полной растерянности, непонимания, как дальше жить, взаимодействовать, сосуществовать» [8, с. 8]. Из-за слабости экономики и неопределенности политической ситуации российское руководство не могло адекватно противостоять зарубежному влиянию на сопредельные государства. Однако Российская Федерация постепенно смогла значительно увеличить свою мощь как ведущего актора в политических процессах Северо-Восточной Евразии, способного оспаривать притязания единственной (как казалось в начале 90-х годов XX в.) сверхдержавы в мире – Соединенных Штатов Америки, что обусловлено рядом ключевых факторов.

Во-первых, это экономический потенциал России, многократно превосходивший объемы экономик «новых независимых государств», образовавшихся на ее периферии. Несмотря на чудовищные социальные издержки либеральных рыночных реформ и особенно приватизации, российской экономике к началу нулевых годов удалось в основном преодолеть кризисное состояние, чему, безусловно, способствовал существенный рост мировых цен на энергоносители: именно в период с 1999 по 2008 г. заметно увеличился и международный вес России. Будучи включенной в глобальные торговые связи, она стала приобретать *мировое значение*. Соответственно повысилась значимость регионов Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии в том числе как источников энергоресурсов, транзитных зон и транспортно-логистических коридоров. Развитие российской экономики в «тучные нулевые» действительно во многом осуществлялось за счет экспорта энергоресурсов. Валютные поступления от экспорта нефти и газа смогли значительно упрочить финансовое положение России. Стране удалось преодолеть внутреннюю политическую нестабильность, погасить остаточные очаги этносепаратизма и терроризма на Северном Кавказе. Однако

о стабильности доходов говорить было нельзя. Так, в 2008 г. цены на нефть на мировых рынках упали на 60 %, в 2020 – на 20 %, но многие сорта стали стоить менее 10 долларов за баррель [9, с. 25–41]. Кроме того, по сравнению с периодом 90-х годов XX в. – начала 2000-х годов значимость энергетического фактора – а именно экспорта углеводородов как инструмента влияния на сопредельные территории – постепенно ослабевает. Снизилась мировая цена на нефть и газ. С декабря 2019 г. Евросоюз, главный мировой покупатель российских энергоресурсов, реализует политику «Зеленого курса» (Green Deal), предусматривающую превращение Европы к 2050 г. в первую «климатически нейтральную часть света»¹, для чего планируется резко сократить потребление энергии, производимой за счет сжигания ископаемого топлива. Пандемия COVID-19 только ускорила эти негативные для российского топливно-энергетического комплекса тенденции [10, с. 15–17].

Во-вторых, это фактор обладания самыми мощными в регионе вооруженными силами, включая полноценную ядерную триаду. После распада СССР за пределами Российской Федерации оказалось немало военных баз, воинских частей и соединений, которые в одночасье из советских стали российскими, обеспечив таким образом заметное военное присутствие РФ за рубежом – прежде всего на постсоветском пространстве. Именно Россия выступила в качестве «провайдера безопасности» в многочисленных локальных конфликтах в республиках бывшего СССР, реализовав серию миротворческих операций, а также обеспечив охрану границы с Афганистаном на наиболее проблемном ее участке в период гражданской войны в Таджикистане (1992–1997). Без военного фактора миротворческие усилия российской дипломатии в урегулировании таджикского конфликта, как и конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, или посредничество в Нагорном Карабахе были бы невозможны. Победа России в «пятидневной войне» с Грузией (2008) продемонстрировала, что Москва готова применить силу в случае нарушения определенных ей «красных линий».

В-третьих, нельзя не учитывать сохраняющееся (хотя, по мнению ряда авторов, уже затухающее) культурно-цивилизационное влияние России на постсоветском пространстве, наиболее явной манифестацией которого является русский язык. Отметим, что полноценный политический диалог у руководства России складывался с постсоветскими элитами, готовыми и способными вести его на русском языке.

Именно эти три составляющие, на наш взгляд, позволили Российской Федерации осознать себя как естественный центр силы на большей части пространства бывшего СССР – или в Северо-Восточной Евразии, как уместно было бы переименовать этот макрорегион. Действительно, Россия объективно доминирует в СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, играет значительную роль в БРИКС и ШОС. Она смогла противостоять западным государствам в грузинском и украинском кризисах, участвует в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, Африке. РФ адаптировала свою ядерную доктрину и модернизировала обычное вооружение своей армии в соответствии с изменившимися реалиями XXI в. За последние годы Российская Федерация не только увеличила свой военный потенциал, но и стала четвертой экономикой мира по размеру ВВП. При этом народное хозяйство страны смогло выстоять под воздействием масштабных западных экономических санкций в 2022–2025 гг.

Постепенно определились основные партнеры и союзники России по Содружеству Независимых Государств. Наиболее прочные связи возникли с Республикой Беларусь, с ко-

¹ см. Climate action and the Green Deal. Path to climate neutrality // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/climate-action/climate-action-and-green-deal_en, свободный.

торой Российская Федерация сначала образовала Сообщество (1996), а затем и Союзное государство (1999). Долгое время Союзное государство оставалось примером «бумажной интеграции», однако с декабря 2010 г. в нем заработали некоторые экономические соглашения. Другие постсоветские страны – Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан – входят в приоритетные для России международные организации (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС) и межгосударственные объединения (БРИКС). Но даже эти государства проводят многовекторную внешнюю политику или стремятся реализовывать исключительно собственные интересы, что не способствует единству Северо-Восточной Евразии. В обозначенной связи можно вспомнить «торговые войны» России и Беларуси, споры из-за военных баз на территории Киргизии, конфликт Москвы и Баку из-за причин падения азербайджанского самолета в декабре 2024 г.

Особняком стоят четыре страны СНГ – Грузия, Молдова, Азербайджан, Украина, которые пытались организовать альтернативу ОДКБ и ЕАЭС *без участия России* – блок ГУАМ (изначально ГУУАМ – из-за недолгого членства Узбекистана). Позже именно эти государства активнее прочих восприняли возглавляемый Евросоюзом формат «Восточного партнерства». Однако упомянутые проекты не были эффективно реализованы на практике и явно проигрывали пророссийским аналогам по экономической отдаче [11, с. 137–138].

Отношения с Украиной перманентно осложнялись спорами о статусе российского Черноморского флота и Севастополя как его основной базы, а также о ценах на российский газ. С 2014 г. Россия находится в состоянии латентного, а с 2022 г. – открытого вооруженного конфликта (украинский кризис, специальная военная операция). Армения и Молдова фактически ведут против России гибридные войны. При этом руководство Армении, обвинившее Россию в своем поражении в военном конфликте с Азербайджаном, которое привело к утрате контроля над Нагорным Карабахом, все же осознает сильную зависимость своей экономики от энергоресурсов и рынков ЕАЭС. Элиты Грузии, сменившие у власти в 2012 г. прозападных политиков во главе с М. Саакашвили, смогли избежать открытого конфликта с Россией. Правящую партию «Грузинская мечта» нельзя назвать пророссийской, но она готова к активному экономическому сотрудничеству с Российской Федерацией и оказывает жесткое сопротивление западным глобалистам и технологам цветных революций.

Вместе с тем, несмотря на наметившийся к началу нулевых годов тренд на новую структуризацию постсоветского пространства и готовность некоторых региональных государств (например, Беларуси) к восприятию интеграционных инициатив, полноценной интеграции постсоветских республик – своего рода «пересборки» бывшего Союза ССР при ведущей роли России, но на новых политико-экономических основаниях – не произошло. Далее рассмотрим причины.

Во-первых, региональная интеграция требует объединения экономик или хотя бы отдельных их отраслей при добровольном делегировании государствами властных полномочий общим наднациональным институтам. Пойти на сознательную утрату части суверенитета элиты постсоветских государств не желали и всячески сопротивлялись подобным идеям.

Во-вторых, сама Российская Федерация долгое время была занята решением внутренних проблем (парламентский кризис 1993 г., война в Чечне и др.) и не могла предложить привлекательных интеграционных форматов, универсальных для всех постсоветских стран, а постоянные конфликты российского государства с элитами бывших советских республик (например, в ходе урегулирования вооруженных конфликтов) только отдаляли от нее другие страны СНГ.

В-третьих, с течением времени обострялось геополитическое противостояние США, Европейского союза, Китая, России в борьбе за влияние на территории бывшего СССР. Так, американцы претендуют на доминирование на всем постсоветском пространстве, фактический протекторат установлен над Украиной. Европейский союз включил в свой состав страны Балтии и демонстрирует интерес к процессам в европейских странах СНГ (Беларуси, Грузии, Молдовы, Украине). Евросоюз сотрудничает и со странами Центральной Азии, а также достаточно активно влияет на регион Южного Кавказа. Регион Центральной Азии, особенно Киргизия и Таджикистан, находится в сфере экономического влияния Китая. Пекин прилагает значительные усилия для доминирования в бывших советских республиках (Беларусь, Казахстан и др.). Постоянное воздействие на постсоветское пространство и отдельные его регионы оказывают такие региональные государства, как Иран, Саудовская Аравия и Турция, использующие помимо экономических инструментов религиозный (исламский) или этноязыковой факторы.

Идеальную ролевою модель для стран СНГ в 90-е годы XX в. представляла европейская интеграция, тем более что в 1992 г. Маастрихтский договор закрепил создание Европейского союза, то есть не только экономического, но и политического объединения государств Европы. Однако для элит подавляющего большинства «новых независимых государств» бывшего СССР подобный сценарий был немыслим. К тому же со временем сама модель европейской интеграции (в плане экономического и особенно политического объединения) стала давать многочисленные сбои, проявившиеся в виде прямой сецессии (Брексит в Великобритании) либо фронды стран-«евроскептиков» (Венгрии, Словакии и др.). Тем не менее поиски нового объединительного начала велись как в интеллектуальных, так и в политических кругах многих стран, и одной из популярных идей в этом ряду становится евразийство.

Сценарии евразийской интеграции и их реализация

В марте 1994 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев выступил в Московском университете с концептуальной речью о евразийском объединении бывших республик СССР – стран Содружества. «Евразийское единство» подводило обоснование под механизм равновесного с Российской Федерацией участия других стран в СНГ, а также необходимость консенсусного голосования. Первый президент независимого Казахстана получал роль модератора политических и экономических процессов и статус неформального лидера Содружества. Казахская версия евразийства снимала острые вопросы российского доминирования и сочетала в себе идеи единого экономического пространства с независимым национальным строительством и суверенной внешней политикой каждого участника СНГ.

Под «евразийством» обычно понимают российскую философскую теорию, акцентирующую внимание на преемственности многих ключевых черт государственности современной России и кочевых империй степей Евразии (прежде всего Монгольской империи Чингизидов). Теория появилась в среде русских эмигрантов в 20-х годах XX в., интерес к ней возродился после распада СССР, что стало реакцией на радикальные либеральные реформы российского правительства. Сегодня евразийство подразумевает антилиберализм, антизападничество, позитивное восприятие советского наследия, идеи многополярного мира. Евразийство в Российской Федерации находится в жесткой конфронтации с рядом направлений русских националистов, которая всегда имела место по идеологическим основаниям. Сразу же отметим, что классическое и современное евразийство значительно различаются между собой [12, с. 201–238].

Истоки евразийства обычно связывают со славянофильской традицией, а также с творчеством Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Но оно имеет ряд отличий от воззрений славянофилов, поскольку они отрицали существование славянского культурно-исторического типа и считали, что культуры туранских народов, связанных с русскими общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехов, поляков). Евразийцам была чужда славянофильская апология общины, поскольку она является исторической, преходящей формой русской культуры, которую нужно преодолеть в ходе российской модернизации. В области экономики евразийцы выступали за широкое использование частной инициативы, но были противниками капитализма и призывали совмещать частную собственность с государственной.

Важно отметить, что впервые на необходимости создания евразийского союза настаивали именно классики русского евразийства: Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский. Им этот процесс виделся как поэтапное превращение СССР в союз евразийских государств путем смены идеологий. Так, например, Н.С. Трубецкой в 1925 г. впервые заявил о том, что Россия является наследницей не Киевской Руси, а Монгольской империи. Русских и кочевников связывает особое умонастроение, или «бытовое исповедание», которое основано на идеях личной преданности, героизма, духовной иерархии и вере в высшее начало мира. Эти ценности несовместимы с европейским мещанством и меркантилизмом. Идеалом авторов «раннего евразийства» было федеративное государство в границах СССР до 1939 г. (добавлялась еще и Монголия).

На постсоветском этапе происходят переосмысление и развитие идей классического евразийства на фоне почти тотального отказа от скомпрометировавшей себя (как многим тогда казалось) марксистско-ленинской идеологии. Рост популярности последователей евразийства начинается еще до распада СССР в период перестройки. Современное постсоветское евразийство – это совокупность теоретических концепций, значительно отличающихся друг от друга методологией, причинами появления, академической фундированностью, авторами, включенностью в государственную политику. Эти концепции настолько разнообразны, что к ним относятся даже либеральные проекты, которые не имеют прямого отношения к классическому евразийству. Примером подобного проекта являлся Союз советских республик Европы и Азии – Европейско-Азиатский Союз, который был предложен академиком А.Д. Сахаровым (Конст.).

В политическом и экспертном дискурсах постсоветской России и других стран СНГ широкое распространение идея постсоветской евразийской интеграции и «новое евразийство» получили уже в начале XXI в. Наиболее известными сторонниками и идеологами различных форм евразийства являются бывший президент Казахстана Н.А. Назарбаев, президент России В.В. Путин, философ-публицист А.Г. Дугин, политолог А.С. Панарин, киргизский писатель Ч.Т. Айтматов, экономист С.Ю. Глазьев и др.

На постсоветском этапе идея евразийства находит свое проектное воплощение. Так, согласно проекту президента Казахстана Н.А. Назарбаева (1994), предполагалось, что вначале в Евразийский союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия, Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могли присоединиться другие государства – Армения, Узбекистан, Молдова, а также, возможно, самопровозглашенные постсоветские государства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах). Само по себе понятия «Евразия», «евразийский» при Н.А. Назарбаеве стали в Казахстане своего рода

национальным брендом, что нашло отражение в наименованиях университетов, банков и корпораций, форумов и т. д.

Однако идея равноправия в Содружестве слабо согласовывалась с интересами российской элиты в период президентства Б.Н. Ельцина, поэтому евразийская модель Н.А. Назарбаева не была реализована на практике. Российская элита исходила из того, что экономика РФ доминировала над экономиками всех государств СНГ, поэтому равноправие государств при принятии политико-управленческих решений внутри интеграционного объединения не могло быть объективным. Позднее идеи Н.А. Назарбаева были сведены до проектов региональной экономической интеграции (ЕврАзЭС и затем ЕАЭС), где термин «евразийский» используется сугубо для обозначения географического региона.

Осенью 2011 г. проект Евразийского союза получил новый импульс после публикации Председателем правительства РФ России В.В. Путиным статьи «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» (Изв.2). Идеи В.В. Путина были развиты тогдашним лидером политической партии «Единая Россия» Б.В. Грызловым в статье «Будущее за нами», опубликованной в «Независимой газете» (НГ). Оба политика высказывали мнение о том, что создание Евразийского союза на базе Российской Федерации, Беларуси и Казахстана позволит России стать еще одним мировым полюсом влияния.

Проект В.В. Путина предполагал широкое понимание Евразийского союза, подразумевающего не только экономическую, но и политическую интеграцию (конфедерацию), при этом в своей экономической части он либерален. Необходимо понимать, что ЕАЭС и Евразийский союз (подразумевающий политическое единство) – разные по степени интеграции государственные образования. Основу нового Союза должны были составить Россия, Беларусь и Казахстан. Однако уже к 2013 г. стало понятно, что политические элиты стран СНГ, прежде всего Казахстана, не готовы к делегированию части суверенитета общим наднациональным институтам (в которых, как они опасались, будет явно доминировать Россия – просто в силу размеров своей территории, населения и экономики). Поэтому политическая составляющая интеграционных инициатив была постепенно сведена к минимуму. Вместо этого был избран более «мягкий» вариант исключительно экономической интеграции, получившей институциональное оформление в виде Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на базе Таможенного союза.

Договор о создании ЕАЭС был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу с 1 января 2015 г. В него вошли Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия; наблюдателями стали Молдова, Узбекистан и Куба. О своем желании вступить в ЕАЭС заявлял Таджикистан, присоединиться к деятельности ряда его институтов – Абхазия. Активно сотрудничают с ЕАЭС в ряде вопросов Вьетнам, Египет, Иран, Сербия. Большие планы российским руководством возлагались и на Украину в период президентства В.Ф. Януковича (до 2014 г.). При этом в рамках ЕАЭС допускается и традиция «многоформатности»: так, Армения, будучи уже в составе Евразийского экономического союза, в 2017 г. подписала Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, которое вступило в силу в 2021 г.

ЕАЭС довольно быстро стал ощущать экономический эффект от своего создания – прежде всего за счет снижения цены на товары благодаря уменьшению издержек перевозки необходимого сырья или экспорта своего готового товара. Интеграция способствовала увеличению конкуренции на общем рынке благодаря притоку новых игроков из общего пространства, увеличению средней заработной платы, уменьшению издержек и повышению производительности труда. ЕАЭС на современном этапе сформировал общий рынок с на-

селением 183 млн человек (без стран-наблюдателей). Ослаблены или устранены некоторые процедуры таможенного контроля. Проводится координация экономической, транспортной, энергетической, миграционной политики, но она носит частичный характер. Сегментарно унифицировано законодательство в отношении ведения бизнеса и торговли. На территории ЕАЭС введена система обязательного медицинского страхования, в 2025 г. ожидается отмена международного роуминга.

Тем не менее проект евразийской «функциональной» интеграции сталкивается с серьезными вызовами. На внешнем треке – это растущее экономическое давление Китая, торговля с которым для некоторых стран-членов ЕАЭС выступает более значимым приоритетом, чем развитие внутреннего рынка Союза. Кроме того, несмотря на практически полный разрыв экономических связей России и Беларуси с Евросоюзом после 2022 г., другие государства-члены не намерены «сворачивать» свои связи с Западом, пусть даже в условиях вторичных санкций. Главным же внутренним вызовом остается асимметричный характер интеграции: доминирующее положение в ЕАЭС занимает Россия. На нее приходится 80 % населения, 86 % ВВП, 88 % промышленного производства и 65 % взаимной торговли всего Союза. Вследствие этого удельный вес взаимной торговли товарами в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС в 2014–2018 гг. колебался в диапазоне 13–17 %, что значительно уступает минимальному порогу интеграционной устойчивости в 25 % [13, с. 32]

Таким образом, большинство постсоветских государств не приняло инициативы политической интеграции пространства бывшего СССР на новых идеологических основаниях и во многом потому, что эти идеи исходили от России, в восстановлении мощи которой «новые независимые государства» видели угрозу своему новообретенному суверенитету. Кроме того, в отличие от знакомого элитам всех без исключения стран СНГ советского идеологического проекта, выдвигаемые Москвой тезисы объединительного наднационального евразийства выглядели довольно экзотично и не находили понимания в обществах, где еще недавно победил воинствующий национализм (Изв.1).

По всей видимости, перспективы проекта ЕАЭС связаны с экономической интеграцией некоторых стран ближнего (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения, Узбекистан) и дальнего (Иран, Куба, Сербия, Вьетнам, Египет, Израиль, Таиланд, ОАЭ, Монголия, Индонезия и др.) зарубежья. Ведутся переговоры о различных форматах сотрудничества ЕАЭС с Китаем и Индией.

Заключение: фиксируем тенденции

Опасения элит во многих постсоветских странах и на Западе по поводу продвижения Москвой идеи «СССР 2.0» оказались сильно преувеличенными. Однако в России практически никто из серьезных аналитиков и экспертов не оспаривал тезис о том, что постсоветское пространство – это сфера жизненно важных интересов Москвы. От того как будет структурировано постсоветское пространство, во многом зависит безопасность Российского государства и статус России в современных международных отношениях. Такой подход закреплен и в последней редакции Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. (Конц.).

Можно констатировать, что из всех интеграционных инициатив постсоветского периода в реальной экономике работают две: это Союзное государство России и Беларуси и Евразийский экономический союз. На практике ЕАЭС (куда входят и РФ, и Беларусь) рассматривается его участниками как исключительно экономический интеграционный проект пяти

государств [6, с. 16–17]. 25 октября 2019 г. вступило в силу соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой, что еще более усиливало прагматическую – экономическую – составляющую интеграционного процесса в Северо-Восточной Евразии.

Еще одним объяснением неудачи проектов наднационального евразийского союза постсоветских государств (в версиях Н.А. Назарбаева (1994) и В.В. Путина (2011)) является разнородность его потенциальных участников. Выше уже отмечался асимметричный характер *практически любой* интеграции постсоветского пространства в силу явного экономического доминирования РФ. Но помимо дихотомии в экономике «новые независимые государства» бывшего СССР демонстрировали и разнообразие траекторий политического развития. Условия формирования современных политий постсоветского пространства способствовали тому, что к XXI в. часть из них так и не смогла стать полноценными национальными государствами. Приходится признать, что на начало 2025 г. в Северо-Восточной Евразии все еще представлено немало «спорных» («слабых», «несостоявшихся») государств, которые потеряли и не контролируют часть своей территории, имеют неустойчивые политические режимы (в том числе пережили государственные перевороты), коллапсирующую экономику или вообще не признаны международным сообществом. К употреблению термина «несостоявшиеся государства» (калька с англ. failed states) необходимо подходить с осторожностью из-за его эмоциональной окраски и высокой степени политизации [14, с. 212–213]. Тем не менее по разным основаниям к таковым можно отнести Грузию, Киргизию, Молдову, Таджикистан, Украину, а также Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье. В данном списке оказалось *пять* национальных государств и *три* самопровозглашенные политии, или «де-факто государства» в терминологии С.М. Маркедонова [15, с. 26–27], что составляет существенную часть нероссийской Северо-Восточной Евразии. При этом статус «несостоявшегося» государства находится в постоянной динамике: так, Азербайджан военным путем восстановил свою территориальную целостность в 2024 г., отвоевав юридически принадлежащий ему Нагорный Карабах, который перестал существовать в качестве де-факто государства. В 2014 г. Крым, а в 2022 г. еще четыре территории «несостоявшейся» Украины вошли в состав современной Российской Федерации на правах ее новых субъектов. Значимым обстоятельством является то, что в четырех случаях из пяти вхождение в состав России состоялось не только по результатам всенародного референдума, но и в рамках вооруженного противодействия дискриминационной, русофобской политике.

Российско-украинский конфликт продемонстрировал сохраняющуюся важность силового фактора в политических процессах в Северо-Восточной Евразии. Однако продвижение политических интересов военными средствами – это неизменно вынужденная, крайняя мера, связанная с устранением прямых и явных угроз национальной безопасности России по периметру собственных границ [16, с. 19]. Вопреки утверждениям западных политиков и пропагандистов об агрессивной сущности российской внешней политики РФ распространяет свое влияние на сопредельные страны экономическим путем (роль российской «мягкой силы» представляется важной, но все же не равнозначной торгово-экономическим связям, потокам трудовой миграции и инвестициям). Москва осознает риски глобальной конфронтации с Западом, в том числе и нагрузку, которую испытывают экономика и социальная сфера страны в период конфликта. И именно Запад через свое давление фактически подталкивает Россию к энергичному поиску новых партнеров среди «глобального большинства», что отражается на активизации контактов по линии БРИКС.

При этом старый формат СНГ и постепенно развивающийся ЕАЭС остаются основой региональной интеграции Северо-Восточной Евразии. Эта интеграция носит экономический («функциональный») характер, поскольку в силу разнородности участников процесса и сохраняющейся многовекторности их внешнеполитических курсов вывести ее на уровень наднациональной интеграции (с созданием союза или конфедерации) не представляется возможным. Тем не менее ЕАЭС демонстрирует устойчивый рост и «живучесть»; к этому интеграционному проекту через различные договоры и соглашения также привлекаются Иран, Турция, Монголия, Афганистан и др. На внешнем контуре евразийская интеграция дополняется сотрудничеством с Китаем, Индией, Пакистаном и другими странами Большой Евразии в рамках ШОС и глобального партнерства ведущих незападных государств БРИКС. Коллективная военная безопасность Северо-Восточной Евразии обеспечивается форматом ОДКБ (шесть постсоветских стран) параллельно с функционированием глобального военно-стратегического и военно-технического квартета Россия – Китай – Иран – КНДР, а также двусторонними соглашениями (например, Казахстана и Узбекистана).

Представляется, что текущие интеграционные процессы при всей противоречивости оценок их эффективности выгодны для современной России. Маловероятно, что при заданных темпах развития они выйдут на глобальный уровень, распространившись на всех участников ШОС или БРИКС, но могут способствовать развитию общего рынка ЕАЭС, а в перспективе, возможно, даже валютного союза. При этом сформируются новые устойчивые потоки мировой торговли, в которых энергоресурсы России и других постсоветских стран в основном экспортируются в Китай, Индию и страны Юго-Восточной Азии, а вырученные средства используются для закупки передовых технологий по всему миру и укрепление собственной новой индустриальной базы (в рамках достижения технологического суверенитета РФ). На наш взгляд, «примирительной» идеей в спорах об эффективности разнообразных форматов международного взаимодействия на постсоветском пространстве (и не только) выглядит предлагаемая Б.А. Хейфецем концепция «накопительной интеграции», или «весь комплекс связей и институтов, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств» [17, с. 14]. Особенностью накопительной интеграции является готовность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий или эксклюзивных прав в рамках таких договоренностей, но без использования форматов классической международной экономической интеграции. При этом у накопительной интеграции могут быть различные стратегии, а сама она в перспективе или перейдет к более высоким стадиям международной экономической интеграции, или будет еще долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей [17, с. 14–16]. В подобном же ключе следует рассматривать и озвученный на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2020 г. тезис В.В. Путина об «интеграции интеграций» – создании большого евразийского партнерства, объединяющего ШОС, АСЕАН и ЕАЭС (Пленар.зас.).

Выделенные в рамках настоящего исследования стадии диверсификации и новой структуризации пространства Северо-Восточной Евразии еще не завершены. На развитие обозначенных трендов непосредственным образом повлияют и исход российско-украинского конфликта, и переформатирование всей системы международных отношений с выдвиганием ее новых, незападных полюсов, в пользу чего говорят и активизация международного взаимодействия в форматах ШОС и БРИКС, и все более частые обсуждения субрегиональных интеграционных инициатив (например, в Центральной Азии) или

трансграничных проектов экономической кооперации. В этой меняющейся международной среде России важно сохранить свой статус экономического лидера и гаранта безопасности огромного макрорегиона.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Моск. – *Москалькова Т.Н.* СНГ: история и перспективы. М.: Издание Гос. Думы (электронное), 2012. 179 с.
- Пост.гос. – Постсоветские государства на современном этапе: внутривполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 209 с.
- Изв.1 – *Лежнева Л.* Конфликт противовесов: Путин указал на противоречия между странами СНГ // *Известия*. 2022. 7 окт.
- Конц. – Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>, свободный.
- Конст. – Конституция Союза Советских социалистических Республик Европы и Азии. Проект. Окончательный проект // Архив Сахарова. URL: https://www.sakharov-archive.ru/fonds-collections/fond1/3/128/01213_4, свободный.
- Изв.2 – *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. 2011. 3 окт.
- НГ – *Грызлов Б.В.* Будущее за нами // *Независимая газета*. 2011. 15 нояб.
- Пленар.зас. – Видеообращение Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 22 сентября 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/64074>, свободный.

Литература

1. *Моисеев В.В.* Советский Союз: история создания, развития и распада. М.: Директ-Медиа, 2022. 224 с.
2. *Шевцова Л.Ф.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
3. *Гущин А.В., Ханова И.Е.* Постсоветское пространство: причины, процесс и промежуточные результаты трансформации // *Россия и современный мир*. 2019. № 2 (103). С. 53–66. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.02.04>.
4. *Паиковский П.И.* Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» // Учен. зап. КФУ им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 41–48.
5. *Евдокимов М.Н.* Постсоветское пространство: от «мирного развода» к разнотемпной и многоформатной интеграции // *Международная жизнь*. 2021. № 12. С. 10–13.
6. *Тренин Д.В.* Россия и страны СНГ: «взросление» отношений // *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. М.: НП РСМД, 2017. С. 11–18.
7. *Хазин А.Л.* BRICS 2024. Взгляд из России. Новые просторы. Новые горизонты. М.: Наука, 2024. 361 с.
8. *Рапота Г.А.* После распада СССР мы оказались в полной растерянности // *Международная жизнь*. 2021. № 12. С. 8–9.
9. *Рекеда С.В.* Индустриальный профиль стран ЕАЭС: эффекты первого десятилетия // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № 1. С. 25–41. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-25-41>.

10. Мастепанов А.М. Большие циклы и «черные лебеди» // Энергетическая политика. 2020. № 6 (148). С. 4–19.
11. Болгова И.В. Кризис восточной политики ЕС // Вестн. МГИМО. 2014. № 4 (37). С. 133–138.
12. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 270 с.
13. Хейфец Б.А. Евразийский экономический союз – время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12, № 2. С. 29–50. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50>.
14. Подвинцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском политическом контексте // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2007. № 7. С. 204–214.
15. Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1 (11). С. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-24-40>.
16. Лукьянов В.Ю. Проблема «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США в конце XX – начале XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 14–23. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V255>.
17. Хейфец Б.А. Новая модель международной экономической интеграции. М.: Ин-т экономики РАН, 2023. 48 с.

References

1. Moiseev V.V. *Sovetskii Soyuz: istoriya sozdaniya, razvitiya i raspada* [The Soviet Union: A History of Formation, Development, and Collapse]. Moscow, Direkt-Media, 2022. 224 p. (In Russian)
2. Shevtsova L.F. *Rezhim Borisa El'tsina* [The Boris Yeltsin Regime]. Moscow, ROSSPEN, 1999. 535 p. (In Russian)
3. Gushchin A.V., Khanova I.E. The post-Soviet space: Causes, process, and intermediate results of transformation. *Rossiya i Sovremenniy Mir*, 2019, no. 2 (103), pp. 53–66. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.02.04>. (In Russian)
4. Pashkovskii P.I. The problem of interpreting the “post-Soviet space” concept. *Uchenye Zapiski imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2015, vol. 1 (67), no. 4, pp. 41–48. (In Russian)
5. Evdokimov M.N. The post-Soviet space: From “no-fault divorce” to multispeed and multiformat integration. *International Affairs*, 2021, no. 12, pp. 10–13. (In Russian)
6. Trenin D.V. Russia and the CIS countries: “Maturing” relations. In: *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Evolution of the Post-Soviet Space: Past, Present, and Future]. Moscow, NP RSMD, 2017, pp. 11–18. (In Russian)
7. Khazin A.L. *BRICS 2024. Vzglyad iz Rossii. Novye prostory. Novye gorizonty* [BRICS 2024. Russian Perspective. New Spaces. New Horizons]. Moscow, Nauka, 2024. 361 p. (In Russian)
8. Rapota G.A. The collapse of the Soviet Union left us in complete confusion. *International Affairs*, 2021, no. 12, pp. 8–9. (In Russian)
9. Rekeda S.V. The industrial profile of the EAEU countries: Effects of the first decade. *Russia and New States of Eurasia*, 2024, no. 1, pp. 25–41. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-25-41>. (In Russian)
10. Mastepanov A.M. Big cycles and “black swans”. *Energeticheskaya Politika*, 2020, no. 6 (148), pp. 4–19. (In Russian)
11. Bolgova I.V. Crisis of the EU eastern policy. *MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 4 (37), pp. 133–138. (In Russian)

12. Druzhinin A.G. *Idei klassicheskogo evraziistva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz* [Ideas of the Classical Eurasianism and the Modern World: A Socio-Geographical Analysis]. Rostov-on-Don, Taganrog, Izd. YuFU, 2021. 270 p. (In Russian)
13. Kheyfets B.A. Eurasian Economic Union – time for modernization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 29–50. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-29-50>. (In Russian)
14. Podvintsev O.B. The idea of “failed states” from Russian political perspective. *Nauchnyi Ezhegodnik Instituta Filosofii i Prava UrO RAN*, 2007, no. 7, pp. 204–214. (In Russian)
15. Markedonov S.M. De facto states: The post-Soviet political phenomenon. *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, 2018, no. 1 (11), pp. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-24-40>. (In Russian)
16. Luk'yanov V.Yu. The failed state problem in the foreign policies of Russia and the USA in the late 20th and early 21st centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 14–23. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V255>. (In Russian)
17. Kheyfets B.A. *Novaya model' mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii* [A New Model of International Economic Integration]. Moscow, Inst. Ekon. Ross. Akad. Nauk, 2023. 48 p. (In Russian)

Информация об авторах

Андрей Георгиевич Большаков, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Алексей Евгеньевич Фоминых, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Марийский государственный университет

E-mail: alexfof@volgatech.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-6320>

Author Information

Andrey G. Bolshakov, Dr. Sci. (Politics), Associate Professor, Head of Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Alexey E. Fominykh, Cand. Sci. (Politics), Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Mari State University

E-mail: alexfof@volgatech.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-6320>

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята после рецензирования 10.06.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Received April 15, 2025

Revised June 10, 2025

Accepted August 15, 2025